

УДК 81-112

DOI 10.17223/19986645/28/2

Л.П. Дронова

МЕТОДИКА ДИАХРОНИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ЯЗЫКУ. СТАТЬЯ 2

Статья посвящена вопросам методики исторического анализа языка. Методику, опирающуюся на принципы современного диахронического исследования (системность, междисциплинарность исследования, ареальная характеристика анализируемых фактов, комплексность методов), мы рассматриваем с точки зрения обязательных этапов исторического исследования. Приведенные принципы и последовательность этапов историко-лексикологического и этимологического рассмотрения фактов языка позволяют системно и разноаспектно, используя приемы разных методов (описательного, структурного, сравнительно-исторического, ареального, типологического), показать факты языка в их эволюции и перейти ко второй, лингвокогнитивной, части исследования – генерализации спектра мотивационных моделей, представляющих определенную когнитивную модель.

Ключевые слова: методика, диахроническое исследование, компаративистика, этапы сравнительно-исторического анализа языка и их последовательность.

В предыдущей статье с таким же названием [1] мы обращались к проблеме возможностей и ограничений в использовании методики сравнительно-исторического исследования в практике концептуального анализа. Обсуждение вопроса: «Что мешает эффективному использованию методики современной лингвистической компаративистики при когнитивно-ориентированном подходе к фактам языка?» – приводит к выводу, что причина помехи кроется прежде всего в неактуализированности в современном образовательном пространстве необходимости знания специфики исторического и историко-этимологического анализа, специфики его источников, особенностей современного диахронного анализа. Анализируемая проблема была показана с точки зрения отдельных аспектов несоотнесенности значимых понятий компаративистики и лингвокогнитивистики.

В настоящей статье мы привлекаем внимание к другому аспекту рассмотренной ранее проблемы: неправомерность и отрицательные последствия отсутствия в базовой части программы подготовки филологов дисциплины «Историческая лексикология». Традиционно в программе есть только «Историческая грамматика русского языка». Если и читается этот курс, то как специальный и не во всех вузах. Так сложилось традиционно, поскольку историческая грамматика как научная лингвистическая дисциплина сформировалась раньше. Младограмматический подход в языкознании был ориентирован на детальное рассмотрение единиц языка разных уровней вне их связей, следствием этого в лексикологии явились многочисленные работы по истории отдельных слов. И в структурной лингвистике долго обсуждался вопрос о системности лексического уровня языка, специфике этой системности. Тем не менее лексикология, в частности русского языка, историческая лексикология совместно с лексикографией достигли значительных практических и теоре-

тических результатов, особенно за последние полсотни лет. Успехи эти связаны с именами таких известных отечественных лексикологов, лексикографов и историков языка, как В.В. Виноградов, Ф.П. Филин, Б.А. Ларин, О.Н. Трубачев, Ю.С. Сорокин, В.В. Веселитский и др. Кроме практических исследований, в их работах мы находим обсуждение и решение прежде всего таких теоретических вопросов, которые определяют методологическую основу лексикологии как лингвистической дисциплины (цели, задачи, их изменение в связи с изменением представления о природе языка, системный анализ в лексике и его специфика, историческая изменчивость/стабильность словарного состава, взаимодействие слов и понятий как важная проблема лексикологии, лексикографии, семасиологии при исследовании семантического строения словарного состава языка и др.). Большого внимания заслуживает, по нашему мнению, вопрос о методике современного исторического анализа. Этот вопрос актуализировался в связи с решением задач, которые ставит перед собой когнитивная лингвистика, интерпретативная по своему характеру, иначе говоря, актуальность этого вопроса обусловлена обращением широкого круга занимающихся когнитивной лингвистикой к историческому аспекту языка и необходимостью подготовки студентов, ориентирующихся в историческом анализе языка.

Методику исторического исследования языка, опирающуюся на принципы современного диахронического исследования (системность, междисциплинарность исследования, ареальная характеристика анализируемых фактов, комплексность методов), мы рассматриваем с точки зрения обязательных этапов исторического исследования и их последовательности. Сразу оговорим, что мы следуем за тем направлением в лингвистике, которое не противопоставляет историческую лексикологию и этимологию. Как отметил еще в начале 1990-х гг. О.Н. Трубачев, «противопоставление исторической лексикологии и этимологии в значительной степени – терминологическая избыточность (и этимология давно интересуется не одним корнем, а всем словом, его употреблением, семантическим и словообразовательным развитием)» [2. С. 539]. Историко-лексикологический анализ – это наиболее трудоемкая и объемная часть исследования на пути к глубинной семантике, когнитивным моделям, выявляемым в языковой репрезентации, и предполагает этот путь целый ряд последовательных этапов в сравнительно-историческом анализе фактов языка.

1-й этап – на материале всех вариантов национального языка определяются статус анализируемых лексических единиц, их семантическая структура, отношения лексико-семантических вариантов в ней. Разграничение литературного и диалектного относится уже к позднему периоду истории народа, для исторической лексикологии с ее установкой на полную инвентаризацию важно, чтобы стратиграфия вертикальная (собственно историческая) дополнялась стратиграфией горизонтальной (разнодиалектной): «Концепция исторической лексикологии одного лишь литературного языка излишне стерильна и нежизненна» [2. С. 558]. Лексические единицы в большинстве случаев многозначны, имеют неодинаковую степень прозрачности отношений между лексико-семантическими вариантами. Чаще всего применяемые компонентный и дефиниционный анализ позволяют с разной степенью уверенности оп-

ределить отношения в семантической структуре слова (производящее – производное, прямое – переносное значение). Может обнаружиться и не один семантический центр в лексеме. Хорошим пособием по анализу семантики слова является работа Е.Г. Беляевской «Семантика слова» [3] с аргументированным определением семантического центра слова (по сравнению с менее удачными терминами «общее значение», «семантический инвариант» и под.), с рассмотрением вариантов взаимодействия семантического центра как ядра семантики слова с его периферией, с подробным разбором примеров различного структурирования семантики слова и возможных исторических изменений в этом структурировании. Выводы по этому этапу анализа сопоставляются (уточняются, корректируются) с данными, которые получаем на следующих, исторических, этапах рассмотрения системных отношений.

2-й этап – анализ системных отношений (деривационных, синтагматических, парадигматических) на уровне современного русского языка. Выясняем, производна или не производна рассматриваемая лексема, формальные и семантические отношения в словообразовательном гнезде, особенности отношений однокорневых слов. Учитываем, что не всегда совпадает направление формальной и семантической деривации: иногда более архаичное производящее значение обнаруживается у производного слова, а структурно более простая однокорневая лексема его уже утратила (результат определенной автономности развития значения слова на фоне развития его словообразовательной структуры). Сохранение более старых значений в связанном виде (в производных, сложениях) – явление известное, ставящее под сомнение принцип изоморфизма уровней языка. Об этом не раз писал О.Н. Трубачев [4. С. 66–69; 5. С. 487–489 и др.]. Особенности лексической сочетаемости (синтагматика), синонимических и антонимических отношений также показательны для определения семантического объема и структуры анализируемой лексемы, они помогают определить направления смысловой филиации как отдельной лексемы, так и всего словообразовательного гнезда, что в результате позволяет судить о ясности/проблемности этих отношений в формально-содержательном плане. Значимость анализа системных отношений лексемы применительно к историко-этимологическому исследованию впервые на широком материале показал Э. Бенвенист в «Словаре индоевропейских социальных терминов» [6]. Так, например, исследуя контексты, синтагматику лексемы κῦδος и ее предполагаемого синонима у Гомера (начиная с несовпадения определений: κῦδος ‘слава’ – ‘великая, высочайшая’, а синоним κλέος ‘слава’ – ‘добрая, великая, широкая, неугасимая, неувядаемая’), он приходит к выводу, что современные словари неточно подают значение κῦδος как ‘слава’, что κῦδος – «это талисман, вручаемый вследствие божественного расположения царю, вождю, мощному воину», который «во всех обстоятельствах обеспечивает первенство, а при случае приносит им победу» и, соответственно, славу [6. С. 281]. Э. Бенвенист еще не отметил тот поразительный факт, что эта почти стершаяся особенность семантики древнегреческого слова сохраняется через тысячелетия в английском заимствовании, где существительное kudos имеет значения «выгода, преимущество, привилегия, преференция».

3-й этап членится на две процедуры. Во-первых, анализ системных отношений рассматриваемых лексических единиц в составе определенных лексико-семантических полей (ЛСП) и словообразовательно-этимологических гнезд на разных хронологических уровнях истории языка письменного периода (внутренняя реконструкция). Требование анализа системных отношений исследуемых единиц языка по отношению к историческому исследованию имеет, конечно же, свою специфику в силу разной степени документированности разных этапов письменной истории языка. Но и там, где доступна только внешняя реконструкция по данным родственных языков (где для внутренней реконструкции уже нет материала), сохраняется требование по возможности системного представления генетически близкой лексики (т.е. учет деривационных, сочетаемостных, синонимо-антонимических особенностей). При работе с историческими словарями следует помнить, что если слово отмечено в текстах XII в., то это не значит, что оно возникло, образовано в это время, и время первой фиксации в словаре не означает, что этой языковой единицы не было раньше (особенно если уже зафиксировано производное). Здесь на помощь историку языка приходят косвенные данные: распространенность и особенности функционирования языковой единицы в языке носителей традиционной культуры (в диалектах), в близкородственных языках (например, для лексемы русского языка наличие ее соответствий в других славянских языках), историко-культурная обусловленность (на каком историко-культурном этапе было востребовано понятие, выраженное данной единицей языка, судя по данным смежных наук). Особенностью же подачи материала в этимологических словарях является тот факт, что в них не предполагается представление полной семантической структуры многозначного слова. И почти все этимологические словари созданы до эры семантики! Кроме того, нельзя упускать из виду, что при сравнительно-историческом подходе сравниваются минимальные значимые единицы – морфемы, их закономерные фонетические варианты в родственных языках, морфемы нельзя произвольно членить (например, корневую морфему *люб-* нельзя рассматривать как *л-люб!*), нельзя не учитывать результаты более чем столетних исследований структурного варьирования «строительных» элементов – морфем – слова в индоевропейских языках.

Во-вторых, учитывая специфику материала, требуется выявить соответствия (генетически близкую лексику) сначала в близкородственных (в случае русского – в других славянских) языках, затем в исторически тесно взаимодействовавших языках. Так, О.Н. Трубачев, опираясь на свой опыт многолетней работы над «Этимологическим словарем славянских языков», очерчивает праславянскую территорию внутри контактной зоны (меняющей свои границы) праславян с балтами, германцами, иллиро-венетами, иранцами (скифами, сарматами), кельтами [5. С. 12–53]. То есть при анализе истории и происхождения славянской лексики следует прежде всего обращать внимание на выявление и характеристику славяно-балтийских и славяно-германских параллелей (при ограниченности материала по раннеисторическим контактам славян с иллиро-венетами, иранцами, кельтами). И затем уже смотреть соответствия для славянских лексем в других индоевропейских языках.

В результате этих двух процедур появляется возможность определить историческую глубину формирования представления о предмете, явлении по его отрефлексированности в языке (древнерусский, праславянский, индоевропейский уровень). Глубина исторического анализа обуславливается исконным или заимствованным характером лексики и ее принадлежностью к предметной (натурфакты – артефакты) или абстрактной лексике (на особенностях современного этимологического анализа мы останавливались в предшествующей статье). Выяснив генетические связи анализируемой лексики, логично обратиться к ареалу ее распространения.

4-й этап – историко-ареальная характеристика ядра и периферии ЛСП (ареально-хронологическая стратификация – этапы формально-семантической эволюции рассматриваемой лексики в определяемом пространстве). Подчеркнем значимость определения ареальной характеристики исследуемого явления как для собственно лингвистических выводов, так и для историко-культурных интерпретаций отношений между этносами. Яркий пример такой значимости в лингвистическом аспекте – развенчание мифа, широко распространенного мнения о родстве лексем *врач* и *врать*: выяснилось, что «*врать* – только великорусское слово, в то время как *врач* – исключительно южнославянское слово, в восточнославянском – пришлый элемент» [8. С. 789–790]. Соотнесенность широко известного в древнегерманских языках имени в значении ‘долг, вина’ (гот. *skuldo* ‘долг’, др.-англ. *scyld*, др.-в.-нем. *sculd(a)* ‘долг, вина’ при совр. англ. *should* ‘должный’, нем. *Schuld* ‘долг, обязательство, вина’) с генетически близкими производными в балтийских языках (*s-mobile* и без него: лит. *skelėti* ‘быть должным, виноватым’, *skolà* ‘долг’, *kaltè* ‘вина’, *skolingas* ‘должен’, др.-прус. *skellānts* ‘должный, виноватый’, *skallīsnan* ‘долг, обязанность’ [9. S. 313; 10. S. 1247, 1306]) выступает серьезным аргументом в определении характера балто-славянских отношений (в славянских языках нет родственных образований, обозначенная корреляция базовых понятий «долг» ~ «вина» – древняя балто-германская изоглосса). Не менее значима и типологическая верификация. В каких-то случаях она может оказаться решающим аргументом, как это случилось с принятой ранее этимологией слова *немцы*, признаваемого производным от *немой*. Эта версия происхождения слова *немцы* была давно и широко распространена, несмотря на то, что этноним с подобным мотивировочным признаком не известен (‘бормочущий, непонятно говорящий’ – такая характеристика чужого народа понятна, но ‘немой’?!). Типологически обоснованной является другая версия происхождения слова *немцы*, соотносящая его с наименованием крупной племенной группировки на Рейне – *неметы*.

5-й этап – определение историко-культурной детерминации состава и содержания единиц ЛСП на разных исторических уровнях языка и этноса. Так, например, внутренняя форма слова *изобилие*, производного от *обилие*, обнаруживает явную привязку к земледельческой лексике (ср. др.-рус. *обилие* ‘изобилие, богатство’ и ‘хлеб на корню или немолоченый хлеб в снопах’, диал. ‘хлеб на корню, хлеб в зерне’ и т.п. [11. С. 103–104]), что согласуется с хозяйственным укладом славян. Примером отсутствия историко-культурной обусловленности, полагаем, можно считать получившее распространение предположение о том, что русское *плохой* генетически связано с чеш. *plachý*

‘плоский’ (праслав. **plōxъ* как вариант к **ploskъ* ‘плоский’; если старшее значение русского прилагательного было ‘однообразный’, ‘неглубокий’, ‘скудный’, ‘пошлый’) [12. С. 43–44; 11. С. 8]. В данном случае возникает вопрос: где, в какой языковой системе и при какой историко-культурной детерминированности могло возникнуть значение общей отрицательной оценки, если русское прилагательное *плохой* имеет столь позднюю фиксацию в памятниках письменности (XV–XVI вв.)? Мог ли признак ‘плоский’ стать формирующим модель общеотрицательной оценки в великорусский период? Эти вопросы не снимает предполагаемое «пошаговое», «градуальное» изменение значения (‘плоский, ровный, открытый, незащищенный, плохо, без присмотра лежащий, плохой’) [13. С. 8]. Значения ‘плоский’, ‘ровный’ развили оценочные значения отрицательного характера ‘рядовой’, ‘посредственный’, ‘ничем не выделяющийся’ поздно, в связи с секуляризацией культуры, петровскими социальными реформами. Ранней истории русского языка неизвестны примеры нейтрализации значений ‘плоский’ и ‘плохой’ (позднее выражение *плоская шутка*, вероятно, семантическая калька с французского *plat* ‘плоский, ровный’ и ‘пошлый, заурядный’) [14. С. 149–157].

6-й этап – определение мотивировочного признака и внутренней формы (образа), исторических изменений внутренней формы единиц ЛСП, мотивационных моделей их образования, динамики мотивационных моделей.

Мотивация как причина выбора того или иного основания (признака) номинации и, соответственно, выбора лексической единицы как деривационной базы номинации (или мотивирующей основы в словообразовательном смысле) лежит уже вне компетенции (плоскости) языка, в сфере ментальных представлений и, следовательно, имеет более прямое отношение к тому, что называется картиной мира. При таком подходе следует помнить о диахроническом аспекте языковой картины мира, о том, что в семантике слов запечатлены разновременные особенности восприятия, толкования предметов, явлений, отношений, получающие иногда противоречивые характеристики [15. С. 343–344]. Кроме хронологической разнородности, мотивационные модели не только несут в себе выражение ономастических предпочтений носителей языка определенного времени, но они могут быть результатом как формально-семантических изменений в этимологических гнездах, так и внутриполевых изменений, межполевых взаимодействий. Поэтому актуальной задачей лексикологических исследований представляется комплексный анализ взаимосвязанных лексико-семантических полей и этимологических гнезд [14. С. 85]. Вследствие сложности формирования не для всех мотивационных моделей нужно предполагать непосредственное отражение ментальных процессов (представлений этноса о связях реальных окружающего мира или понятий), необходимо учитывать возможность собственно языкового порождения мотивационных моделей – вторичных – на базе преобразований в этимологических гнездах, питающих лексико-семантические поля. Различение первичных (непосредственно отражающих представления этноса о связях реальных) и вторичных мотивационных моделей необходимо: вторичные модели, как обусловленные языковыми преобразованиями, наименее свидетельствуют о специфике картины мира этноса [16. С. 93–94].

Приведенный ряд и последовательность этапов историко-лексикологического и этимологического рассмотрения фактов языка позволяют системно и разноаспектно, используя приемы разных методов (описательного, структурного, сравнительно-исторического, ареального, типологического), представить факты языка в их эволюции и перейти ко второй, лингвокогнитивной, части исследования – генерализации спектра мотивационных моделей, представляющих определенную когнитивную модель.

Литература

1. Дронова Л.П. Методика диахронического исследования и когнитивный подход к языку // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2013. № 2 (22). С. 22–39.
2. Трубаев О.Н. Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописменного периода // Трубаев О.Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 1. М., 2004. С. 538–560.
3. Беляевская Е.Г. Семантика слова. М.: Высш. шк., 1987. 126 с.
4. Трубаев О.Н. Этимологические исследования и лексическая семантика // О.Н. Трубаев Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 1. М., 2004. С. 64–98.
5. Трубаев О.Н. Этимологическая лексикография и история культуры // О.Н. Трубаев. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 1. М., 2004. С. 483–492.
6. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / пер. с фр. М.: Прогресс-Универс, 1995. – 453 с.
7. Трубаев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования / [отв. ред. Н.И. Толстой]. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2002. 489 с.
8. Трубаев О.Н. Заметки по старославянской этимологии: *боляринъ, врачъ* // Трубаев О.Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 1. М., 2004. С. 789–793.
9. Lehmann W.P. A gothic etymological dictionary. Leiden: E.J. Brill, 1986. 413 s.
10. *Etymologisches Wörterbuch der Deutschen* / W. Pfeifer etc. 1–2 Bde. Berlin, 1993. Bd. 2.
11. *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд*. Вып. 26 (**novouky(jь)* – **obgorditi*) / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М., 1999. 237 с.
12. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Рус. яз., 1994. Т. 2. 560 с.
13. Трубаев О.Н. Реконструкция слов и их значений // Вопросы языкознания. 1980. № 3. С. 3–14.
14. Дронова Л.П. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. 256 с.
15. Варбот Ж.Ж. Диахронический аспект проблемы языковой картины мира // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы: материалы междунар. науч. конф., Москва, 8–10 июня 2002 г. М., 2003. С. 343–347.
16. Варбот Ж.Ж. Этимологические гнезда и лексико-семантические поля в диахронии и синхронии // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. М., 2008. С. 84–95.

TECHNIQUE OF DIACHRONIC RESEARCH AND COGNITIVE APPROACH TO LANGUAGE. ARTICLE II.

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 2 (28), pp. 16–23. DOI 10.17223/19986645/28/2

Dronova Lyubov P., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lpdronova@mail.ru

Keywords: technique, diachronic research, comparative studies, stages of comparative and historical analysis of language and their sequence.

The article is devoted to the methods of historical analysis of language. The technique based on the principles of modern diachronic studies (systematicity, interdisciplinary studies, areal description of the analyzed facts, complexity of methods) is described in terms of mandatory stages of historical research.

Stage 1. The status of the lexical units under analysis, their semantic structure as well as the interrelations of their lexical semantic variants are determined on the basis of all variants of the national

language. The differentiation between the literary and the dialect refers to a later period of the national history. The historical lexicology with its orientation to the full inventory requires vertical (historical) stratigraphy to be supported by horizontal stratigraphy (that of various dialects).

Stage 2. The analysis of system relations (derivational, syntagmatic, paradigmatic) at the level of the modern Russian language is carried out to describe formal and semantic relationships in the derivational nest, the peculiarities of relations of same-root words and to determine whether the lexical unit under analysis is derivative or non-derivative.

Stage 3. This stage is divided into two procedures. The first procedure implies the analysis of system relations of the analyzed lexical units comprising certain lexical-semantic fields (LSF) and derivational-etymological nests at different chronological levels of history of the written language (the inner reconstruction). The second procedure aims at determining correspondent lexical units (genetically related vocabulary) first in closely related languages (the Slavic languages are the case for Russian), then in historically interconnected languages (the outer reconstruction).

Stage 4. This stage implies historical and areal description of the core and periphery of the LSF (the areal and chronological stratification, i.e. the stages of formal semantic evolution of the vocabulary under analysis in the designated space).

Stage 5. This stage implies the definition of historical and cultural determination of the LSF composition and content at different historical levels of language and ethnicity.

Stage 6. This stage determines the motivational feature, the inner form (image) and its historical changes for the LSF units as well as the motivational models of the LSF unit formation and their dynamics.

The stages and sequence of historical, lexicological and etymological analysis of the language facts allow the systematic and diverse representation of the language facts in their evolution, using various techniques (descriptive, structural, comparative and historical, areal, typological). Then comes the linguo-cognitive research that implies generalization of the scope of motivational models representing a certain cognitive model.

References

1. Dronova L.P. Metodika diakhronicheskogo issledovaniya i kognitivnyy podkhod k yazyku [Technique of diachronic research and cognitive approach to language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2013, no. 2 (22), pp. 22–39.
2. Trubachev O.N. *Trudy po etimologii. Slovo. Istoriya. Kul'tura* [Works on etymology. Word. History. Culture]. Vol. 1. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004, pp. 538–560.
3. Belyaevskaya E.G. *Semantika slova* [Word semantics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1987. 126 p.
4. Trubachev O.N. *Trudy po etimologii. Slovo. Istoriya. Kul'tura* [Works on etymology. Word. History. Culture]. Vol. 1. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004, pp. 64–98.
5. Trubachev O.N. *Trudy po etimologii. Slovo. Istoriya. Kul'tura* [Works on etymology. Word. History. Culture]. Vol. 1. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004, pp. 483–492.
6. Benveniste E. *Indo-European language and society*. Faber & Faber, 1973. 580 p. (Russ.ed.: Benveniste E. *Slovar' indoevropeyskikh sotsial'nykh terminov*. Moscow, Progress-Univers Publ., 1995. 453 p.).
7. Trubachev O.N. *Etnogenez i kul'tura drevneyshikh slavyan: Lingvisticheskie issledovaniya* [Ethnogenesis and culture of ancient Slavs: Linguistic research]. Moscow, Nauka Publ., 2002. 489 p.
8. Trubachev O.N. *Trudy po etimologii. Slovo. Istoriya. Kul'tura* [Works on etymology. Word. History. Culture]. Vol. 1. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004, pp. 789–793.
9. Lehmann W.P. *A gothic etymological dictionary*. Leiden, E.J. Brill, 1986. 413 p.
10. Brown W., Pfeifer W. *Etymologisches Wörterbuch der Deutschen*. Vol. 2. Berlin, Akademie-Verlag, 1993.
11. *Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov: Praslavyanskij leksicheskiy fond* [Etymological dictionary of the Slavic languages: Proto-Slavic vocabulary]. Issue 26 (*novouk'(j') – *obgorditi). Moscow, Nauka Publ., 1999. 237 p.
12. Chernykh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of modern Russian]. In 2 vols. Moscow, Russkiy yazyk, Publ. 1994, Vol. 2. 560 p.

13. Trubachev O.N. *Rekonstruktsiya slov i ikh znacheniy* [Reconstruction of words and their meanings]. *Voprosy yazykoznavaniya – Problems of Linguistics*, 1980, no. 3, pp. 3–14.

14. Dronova L.P. *Stanovlenie i evolyutsiya modal'no-otsenочноy leksiki russkogo yazyka: etnolingvisticheskiy aspekt* [Formation and evolution of modal evaluation of the Russian lexicon: the ethno-linguistic aspect]. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2006. 256 p.

15. Varbort Zh.Zh. [Diachronic aspect of the problem of the language picture of the world]. *Rusistika na poroge XXI veka: problemy i perspektivy. Materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Russian studies in the XXI Century: Problems and Prospects. Proc. of the International Research Conference]. Moscow, 2003, pp. 343–347. (In Russian).

16. Varbort Zh.Zh. [Etymological nests and lexical-semantic fields in synchrony and diachrony]. *Slavyanskoe yazykoznavanie. XIV Mezhdunarodnyy s"ezd slavistov* [Slavic linguistics. 14th Int. Congr. of Slavists]. Moscow, 2008, pp. 84–95.